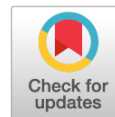

Неклассическая рациональность и проблема ценностей в праве

Романовская В.Б.,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: law-unn@mail.ru

Жданов П.С.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: law-unn@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема обоснования правовых ценностей в переходные периоды развития культуры. В частности, анализируется ситуация кризиса правосознания начала XX в. Причины данного кризиса связываются с упадком культуры модерна, а также классической модели научной рациональности, в рамках которых формировались мировоззренческие предпосылки новоевропейской традиции права и соответствующей системы правовых ценностей. Дается обзор правовых концепций российских ученых первой половины XX в., подходивших к проблеме обоснования правовых ценностей с позиций неклассической рациональности: Л.И. Петражицкого, Н.Н. Алексеева, И.А. Ильина, Б.П. Вышеславцева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка. Указывается на то, что проблема ценностей в праве рассматривалась в их работах в рамках исследования акта, в котором субъект воспринимает ценности. Данный подход определял особое внимание к субъекту и его самоопределению в сфере правовых ценностей.

Ключевые слова: ценности, кризис, правосознание, неклассическая рациональность, эпоха модерна, субъект, феноменология, культурная парадигма, мировоззрение.

В качестве неотъемлемой части культуры общества право воплощает в себе важнейшие ценностные представления его членов. Само по себе нормативное содержание права является не только порождением материальных условий жизни социума, но и в равной мере — отражением базовых мировоззренческих установок общества. Соответственно, эволюция правовой системы не может получить адекватного осмысления в отрыве от анализа изменений, происходящих в мировоззрении носителей данной традиции права. Ключ к прочтению специфической системы знаков юридического дискурса кроется в языке той культуры, в рамках которой разворачивается указанный дискурс. А имплицитные в правовой системе ценностные установки служат мостом между правосознанием людей и конкретно-историческим сознанием культуры.

В свете сказанного становится очевидным, насколько болезненное воздействие может оказывать ломка устоявшихся мировоззренческих структур на общественное правосознание, в целом довольно консервативное и привязанное к традиционным формам. Тем не менее в условиях неизбежной периодической смены культурных парадигм правосознание порою сталкивается с утратой актуальности в общекультурном контексте тех ценностных предпосылок, которыми до тех пор направлялось развитие правовой традиции. Это ставит перед юридической наукой и философией права непростую задачу по поиску и выражению на языке трансформировавшегося культурного

пространства тех правовых ценностей, которые соответствовали бы новым реалиям.

Богатый материал для изучения подобных процессов в юридической мысли предоставляет первая половина XX столетия, когда в условиях заката модернистской культурной парадигмы европейские народы столкнулись с явлением кризиса правового сознания. Признаки кризисных явлений выявлялись уже на рубеже веков. Примечательно, что в 1909 г., когда в работе «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» П.И. Новгородцев ставил вопрос: «Что представляет собою кризис современного правосознания: полное крушение старых начал или их необходимое видоизменение?», ответ ученого звучал еще вполне обнадеживающе: «основные начала, — те, во имя которых ранее совершалось движение вперед, понятие личности, принципы равенства и свободы, — остались в силе»¹. По его мнению, потерпели крушение лишь «те простые и гармонические схемы, в которых пламенное воображение оптимистического века хотело видеть разрешение общественных противоречий»², в то время как основной вектор развития и ценностные ориентиры европейской политико-правовой системы сохраняются в неизменном виде. Однако позднее, в середине века П.А. Сорокин, анализируя проявления и причины упадка систем права и нравственности в современной западной цивили-

¹ Новгородцев П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 251.

² Там же.

зации, уже будет связывать его с тотальным кризисом постренессансной «чувственной культуры» и соответственно отрицать саму возможность дальнейшего развития европейской правовой системы на прежних ценностных основаниях.

Так или иначе, но к началу XX в. кризис правосознания со всей остротой поставил перед юридической наукой в России и на Западе вопрос о необходимости нового обоснования юридических ценностей, а равным образом — и ценности самого права. Причем ответ на этот вопрос должен был быть дан в условиях формирования нового неклассического типа рациональности, что предполагало необходимость радикальной перестройки самого познавательного акта. В настоящей статье мы рассмотрим несколько примеров постановки и разрешения этого вопроса представителями российской философии права.

Классическая парадигма в научном мышлении сформировалась в XVII в. на базе гносеологических идей, выдвинутых прежде всего Декартом. Исходным пунктом познавательного процесса был определен самосознающий субъект, противопоставленный внешнему миру как объекту познания. Необходимой предпосылкой и условием постижения реальности становится имманентная данность субъекту логических структур познания, которые представляются тождественными законам самого мироздания. Эта внутренняя гармония законов человеческого мышления и разумных законов природы служит залогом возможности получения истинных и объективных знаний о мире при условии того, что субъект сможет освободить процесс познания от влияния страстей, искажающих изначально чистоту восприятия реальности. Рационалистическая философия Нового времени исходит из представлений о единстве разумного начала в мире, из чего следует принципиальная воспроизводимость познавательного опыта для всех субъектов, мыслящих четко и последовательно. Объективное знание, обладающее признаками необходимости и всеобщности, рассматривается не только в качестве предпосылки подчинения природы человеку, но и как фундамент для переустройства жизни самих людей на началах разума.

Это рационалистическое в своих основах мировоззрение породило такие политические и юридические конструкции, как естественное право (в виде учения о всеобщих разумных основах права), теория разделения властей, правовое государство и др. В подчинении иррационального произвола — источника непредсказуемости и хаоса в общественной жизни — рациональным юридическим структурам мыслители эпохи модерна видят залог социального прогресса и благоденствия. В рамках классической парадигмы правовые ценности предстают как система всеобщих, неизменных и связанных с необходимыми

истинами разума принципов-аксиом, к которым субъект приобщается путем их рационального постижения априорным путем или путем выявления их в позитивно-правовых формах, воплощающих в себе абстрактные принципы права.

Таким образом, к концу XVIII в. складываются основные элементы новоевропейской правовой традиции, характер которых был задан классическим идеалом рациональности. Вместе с тем во второй половине столетия чистота рационалистического юридического дискурса была существенно искажена с возникновением исторического сознания, отдельные элементы которого появляются уже в классических произведениях Монтескье в виде утверждения значимости случайных факторов в формировании законов государства. Исторический подход к праву поставил под вопрос всеобщность юридических ценностей, воплощенных в понятии естественного права. Тенденция была продолжена в XIX в. позитивистскими доктринами с их принципиально агностической позицией в метафизических вопросах, сводившими рациональность в праве к чисто утилитарной целерациональности. И если до тех пор легитимация действующих норм обеспечивалась установлением их логической связи с всеобщими абстрактными принципами естественного права, то теперь критерием приемлемости той или иной нормы стала выступать ее генетическая связь с волей законодателя или просто ее действенность в качестве средства социального регулирования. С точки зрения позитивизма, терял свой смысл вопрос об объективном характере правовых ценностей, не говоря уже об их общезначимости.

Окончательное же свертывание рационалистической парадигмы в европейской политико-правовой традиции происходит только с уходом в прошлое самого классического типа рациональности, с которым она была неразрывно связана. Симптомом этого была проблематизация исходных допущений научного мышления, прежде принимаемых за аксиому, а именно: беспредпосылочности и «прозрачности» сознания в качестве субъекта, воспринимающего реальность. Так, анализ идеологии К. Марксом и Ф. Энгельсом выявил факт «многомерности сознания или сознательных явлений и их способности надстраиваться одно на другое так, что объекты, потерявшие естественность или не имевшие естественности, не контролируемые нами рационально <...> приобретают и обрастают теми значениями, которые и называются идеологическими в том смысле, что появляются некоторые автономные образования осознания, воображающие себя конечной точкой отсчета, а в действительности являющиеся выражением чего-то другого»³.

³ См.: Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. С. 68.

Аналогичное значение имели произведенные З. Фрейдом исследования неосознаваемых процессов человеческой психики, влияющих не только на поведение, но и на само отношение человека к окружающей реальности.

Таким образом, отказавшись от классической схемы познавательного процесса как непосредственного отражения сознанием объективной реальности, неклассическая рациональность начинает рассматривать субъекта и его характеристики в качестве неотъемлемых аспектов знания, фиксирующего определенный способ восприятия реальности субъектом. Принципиальным становится допущение того, что «сознание, постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации»⁴. М.К. Мамардашвили так описывает эту познавательную установку: «Мы понимаем, сами установившись в качестве события в мире вместе с законами этого мира. В этом смысле законы мира нельзя понимать, не помещая в сам мир некое сознательное и чувствующее существо, которое понимает эти законы»⁵.

С позиций неклассической рациональности способ восприятия правовых явлений субъектом начинает рассматриваться как определяющий фактор в формировании той или иной картины правовой реальности. Это порождает представления о многомерности указанной реальности, заданной допущением нескольких точек отсчета. Различие классической и неклассической парадигм рельефно проступает в их подходах к пониманию соотношения общего и частного в юридической сфере. Так, сравнивая холистские и атомистские методологические установки в понимании права, З.Д. Деникина указывает, что в классической парадигме правовой атомизм «формируется в виде проблемы индивидуального выбора предзаданных нормативных значений». В неклассическом же понимании права «атомизм как приоритетная методологическая стратегия связан с личностной самоидентификацией, выбором особенной онтологической и ценностной системы отсчета»⁶. Что же касается холистских установок, если в классических представлениях, где «часть детерминирована законами целого», «правовой холизм связан с обоснованием легитимности индивидуальных притязаний», то в неклассическом понимании «правовой холизм

связан с обоснованием легитимности общезначимых норм»⁷. Иными словами, независимо от принятия той или иной методологической позиции в вопросе соотношения целого и его частей, неклассическая парадигма в сфере социального познания выводит на первый план проблему самоопределения личности в ценностной сфере. Последнее предполагает обращение к исследованию самого акта, в ходе которого субъект утверждает себя в рамках определенной системы юридических ценностей.

Одним из первых, кто в отечественной юриспруденции начала прошлого века, поставив вопрос о субъективных основаниях права, ввел в исследование права элементы неклассического подхода, был Л.И. Петражицкий⁸. Предметом его исследования становятся процессы в психике человека, в результате действия которых индивиды наделяют себя и других правами и обязанностями. Нормы и правила, которым как источникам правомочий и правообязанностей приписывается объективный характер, выступают порождениями индивидуальной психики, а иллюзия их реальности и обязательности рассматривается Петражицким в качестве продукта «проекционной точки зрения». По его словам, «реально существуют только переживания этических моторных возбуждений в связи с представлениями известного поведения»⁹. Первичной формой существования права является право интуитивное, непосредственно связанное с действием императивно-атрибутивных эмоций каждого субъекта, и поэтому всегда индивидуальное. Что же касается позитивного права, его отличительной чертой является то, что оно отражает воздействие представлений внешних «нормативных фактов» на психику субъекта. Однако и в данном случае формирование правовых эмоций также целиком зависит от того, как субъект воспринимает эти внешние факты. Разнообразие нормативных фактов, способных вызывать императивно-атрибутивные эмоции, обуславливает существование множества разновидностей позитивного права в рамках данного общества, причем официальное право выступает только одной из его разновидностей.

Поскольку источник основных правовых феноменов относится к области индивидуальной психики, теория Петражицкого рассматривает действие внутренних психических механизмов единственным по-настоящему реальным фактором, определяющим принятие субъектами тех или иных поведенческих нормативов, правил

⁴ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Step/11.php (дата обращения: 05.09.2015).

⁵ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 106.

⁶ Деникина З.Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 221.

⁷ Там же. С. 222.

⁸ См.: Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2007. С. 741.

⁹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 51.

или принципов. В этом смысле любые ценностные системы выступают равноправными и обусловленными субъективным, да и то зачастую несознаваемым выбором. Вопрос об объективности и общезначимости юридических ценностей, таким образом, снимается и уступает место вопросу о лежащих в области человеческой психики причинах, побуждающих индивидов поступать тем или иным образом.

Вместе с тем проблема обоснования общезначимых ценностей в сфере права в условиях усугубляемого политическими потрясениями первой четверти XX в. кризиса правосознания становилась как нельзя более актуальной. Одной из попыток рассмотрения этого вопроса с позиций неклассической методологии была феноменологическая концепция права Н.Н. Алексеева. Решительно выступая против рационалистического подхода к определению права, центральное место в своих исследованиях он отводит анализу акта, в котором субъект воспринимает правовые ценности. Принципиальным моментом феноменологического подхода к анализу указанного акта становится установка на преодоление свойственного классической науке противопоставления познающего субъекта познаваемой реальности как объекту. Речь идет не просто о рассудочном познании, а о «заинтересованном отношении», жизненном выборе, отождествлении себя с определенной ценностной системой. Ценности, имеющие характер первичных «качественных данностей», не определимых и не выводимых логическим путем, но вместе с тем очевидных в своей объективности, даются только в непосредственном созерцании¹⁰. Первоначальные правовые данности интуитивно переживаются субъектом и одновременно интеллектуально им признаются. Понятно поэтому, что при данном подходе ценности не рассматриваются как нечто внешнее субъекту — он обнаруживает их в себе самом. Субъект, таким образом, включается Алексеевым в структуру права в качестве носителя правовых ценностей. Из этого следует, что усмотрение и признание ценностей требует определенных качеств самого субъекта, без которых он навсегда останется лишь исполнителем навязанного ему формального юридического порядка.

Ориентированность неклассической методологии на субъективные аспекты восприятия реальности придает ключевое значение проблеме правосознания в юридических исследованиях. И.А. Ильин в своих работах, посвященных вопросам правосознания, уделяет особое внимание предпосылкам формирования «здорового правосознания» в качестве способности индивида к усмотрению и реализации в своей жизни правовых

ценностей. Как и Алексеев, он не считает возможным сводить правосознание только лишь к «знанию положительного права». По его словам, оно «включает в себя все основные функции душевной жизни»: прежде всего — волю, а также — чувство, воображение, и «все культурные и хозяйственные отправления человеческой души»¹¹. В качестве «целостного стремления» правосознание охватывает как сознательно-разумные части души, так и «неразумные тайники ее», именно в последних черпая свою жизненную силу¹². Таким образом, говоря о правосознании, философ подразумевает «некую духовную настроенность» субъекта по отношению к праву, «естественное чувство права и правоты», «*инстинктивное правочувствие*, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей»¹³. Воля к праву — это органичное проявление «воли к духу», то есть общей направленности личности на утверждение высших духовных ценностей, «верховного и универсального блага», охватывающей все области человеческой души.

Естественно, что воспитание «нормального правосознания» становится воспитанием личности во всех ее духовных проявлениях. Проблема правовых ценностей получает осмысление как проблема формирования субъекта, способного к восприятию и признанию этих ценностей. Отсюда — первая аксиома правосознания, которая определяется Ильиным в качестве «закона духовного достоинства», то есть уважения к себе как к существу, способному к осуществлению и восприятию чего-то безусловно ценного¹⁴. Из уважения к себе, из духовного самоутверждения рождается автономия, вторая аксиома правосознания, означающая самостоятельность и одновременно — способность к самоограничению. Поскольку же право существует в сфере межличностной коммуникации, третьей аксиомой правосознания выступает взаимное духовное признание субъектов. Таким образом, правовое общение предстает как взаимодействие личностей — самостоятельных духовных центров — на основе их взаимного признания и обоюдного утверждения правовых ценностей.

Другим ключевым аспектом неклассического осмысления правовых явлений становится проблема личностного принятия внешней нормы, ценностной системы, которую субъект находит уже полностью сформировавшейся, в определенном смысле, навязываемой ему и, следовательно, требующей обоснования ее значимости для самого индивида. Б.П. Вышеславцев исследует от-

¹⁰ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. С. 54.

¹¹ См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ, 2006. С. 191.

¹² Там же. С. 288.

¹³ Там же. С. 281.

¹⁴ Там же. С. 380.

ношение субъекта к гетерономным требованиям закона, соединяя христианскую этику благодати и систему представлений о человеческой психике, разработанную психоаналитическими концепциями первой половины XX в. Он утверждает, что закон (в широком смысле слова) всегда воспринимается как нечто внешне-принудительное, и, обращая свои требования к сфере сознания, встречает сопротивление на подсознательном уровне¹⁵. Вышеславцев пишет, что «В последней глубине, в иррациональной “бездне” (Ungrund) первичного избирающего акта, закон, авторитет, власть — не действует: всякий закон должен быть свободно признан, всякий авторитет должен быть свободно принят, всякая власть и всякое право должны быть свободно установлены»¹⁶. Принятие закона подразумевает необходимость соотношения его цели с внутренними глубинными устремлениями личности. Однако закон как внешне-принудительная сила не способен воздействовать на сферы человеческой психики, лежащие за пределами сознания, поэтому принятию ценностей, лежащих в основании закона, должно предшествовать внутреннее преобразование самой личности, сублимация ее инстинктов и устремлений. Последняя же невозможна на пути следования рассудочной норме, на пути навязанных предписаний и запретов. Силой для воздействия на подсознательную сферу психики обладают образы воображения, вызывающие определенные эмоции, предметы, переживаемые как жизненные ценности, которые способны порождать внутренние стремления, вызывать к себе любовь. Таким образом, в этической системе Вышеславцева антиномия закона, гетерономной нормы и человеческой свободы разрешается творческим отношением к ценностям, определяющим содержание нормы, что подразумевает внутреннее принятие их через соотношение с личными жизненными ориентирами.

Это близко соотносится с понятием «этики творчества» в философии Н.А. Бердяева, которую он противопоставляет равным образом и рассудочно-нормативной этике закона и религиозной этике искупления. В отличие от них, этика творчества «утверждает ценность индивидуального и единичного»¹⁷. Дух ее определяется тем, что «нравственная оценка и нравственный акт должны исходить из конкретной единичной личности и быть индивидуальными и неповторимыми в своей индивидуальности нравственными актами и оценками»¹⁸. Только личность может быть творцом новых ценно-

стей в нравственной жизни. Этика творчества, «идушая от личности», тем не менее направлена социально, нравственный акт личности имеет общественное значение.

С.Л. Франк в духе «философии всеединства» рассматривает встречу личного и общественного начала в общем «мы» как источник ценностей, одновременно индивидуальных и социальных. Он подчеркивает коммуникативную природу личности, индивидуального «я», которое обретает себя только в диалоге с Другим, с «ты»¹⁹. Причем диалог этот становится возможным только благодаря их принадлежности к общности «мы». Внутренняя связь «я» и «мы» рассматривается предпосылкой для осознания общих ценностей в качестве ценностей личных. Поэтому каждый индивид способен путем интроспекции найти в глубинах своей души то, что на ценностном уровне объединяет его с другими. Обоснование объективного характера этических и правовых ценностей, с точки зрения Франка, предполагает осуществляемое личностью «узнавание» всеобщего в частном и частного во всеобщем.

Подводя итоги, еще раз отметим, что проблема ценностей в праве — это проблема отношения правовой системы к определенной культурной среде. Актуальность исследования ценностных оснований права возрастает в кризисные периоды, когда структурные изменения в общественном мировоззрении становятся причиной рассогласования между правовой традицией и нарождающимся новым языком культуры. Ситуация осложняется тем, что в условиях смены мировоззренческих парадигм юридическая наука не может опереться на готовые методологические формулы и должна, как мы это можем увидеть на примере культурной ситуации начала XX в., заново ставить вопрос об отношении личности к праву и правовым ценностям. Применяя неклассическую методологию к исследованию этой проблемы, отечественные философы и правоведы первой половины прошлого века обращались прежде всего к анализу субъективного акта, в котором индивид воспринимает правовые ценности. В отличие от модернистских правовых концепций, основанных на рационалистическом мировоззрении, где субъект воспринимал принципы права и правовые ценности в качестве неизменного набора истин разума, неклассическая модель научного дискурса строилась на представлениях об определяющей роли субъекта и его индивидуальных характеристик в формировании определенного взгляда на юридические ценности. Особенности переходного периода, разрушение прежней модернистской парадигмы обуславливали необходимость перевода пробле-

¹⁵ См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса // Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избр. соч. М.: Астрель, 2006. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: АСТ, 2006. С. 215.

¹⁸ Там же. С. 216.

¹⁹ См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 50.

мы правовых ценностей в антропологическую плоскость, рассмотрения ее с позиций жизненного самоопределения и творческого призвания человека в меняющихся культурных условиях. Таким образом, кризис правосознания, осмысленный в рамках кризиса культуры модерна, в очередной раз ставил перед индивидом сократовскую задачу познания самого себя, развития в себе способности к восприятию ценностей, адекватных новой культурной ситуации.

Список литературы:

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. 256 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: АСТ, 2006. 81 с.
3. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избр. соч. М.: Астрель, 2006. 1037 с.
4. Деникина З.Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с.
5. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ, 2006. 510 с.
6. Кацапова И.А. Современные проблемы правоведения в контексте социальной роли права // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 24–31.
7. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 2 // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 9–18.
8. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.
9. Новгородцев П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
10. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
11. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учеб. пособие. М.: Гардарики, 1999. 400 с.
12. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
13. Честнов И.Л. Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 77–85.

The non-classical rationality and the problem of legal values

Romanovskaya V.B.,

Doctor of Law,
Professor head of the Chair of Theory and history of State and Law,
Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
E-mail: law-unn@mail.ru

Zhdanov P.S.,

PhD in Law,
associate professor of the Chair of Theory and history of State and Law,
Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
E-mail: law-unn@mail.ru

Abstract. This article touches upon the problem of legal values' substantiation in the transitional periods of cultural evolution. Particularly, the situation of legal conscience's crisis at the beginning of 20th century is analyzed. The reasons of mentioned crisis are linked with the decay of the modern era's culture, which determined the worldview preconditions of new European legal tradition and respective system of legal values. Then authors make the overview of legal conceptions of Russian scientists, which approached to the problem of legal values' substantiation from the standpoints of non-classical rationality: L.I. Petrazycki, N.N. Alekseev, I.A. Ilyin, B.P. Vysheslavtsev, N.A. Berdyaev, S.L. Frank. They conclude, that the problem of legal values was considered by the mentioned authors in the framework of research of the act, in which subject perceives the values. Such an approach determined special attention to a subject and his self determination in the area of legal values.

Keywords: values, crisis, legal conscience, non-classical rationality, modern era, subject, phenomenology, cultural paradigm, worldview.

References:

1. Alekseev N.N. Osnovy filosofii prava. SPb.: Jurid. in-t, 1998. 256 s.
2. Berdjaev N.A. O naznachenii cheloveka. M.: AST, 2006. 81 s.
3. Vysheslavcev B.P. Krizis industrial'noj kul'tury. Izbr. soch. M.: Astrel', 2006. 1037 s.
4. Denikina Z.D. Neklassicheskaja i postneklassicheskaja filosofija prava. M.: Izd-vo MGOU, 2010. 230 s.
5. Il'in I.A. Obshhee uchenie o prave i gosudarstve. M.: AST, 2006. 510 s.
6. Kacapova I.A. Sovremennye problemy pravovedenija v kontekste social'noj roli prava // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 24–31.
7. Lapaeva V.V. Sovremennoe sostojanie i perspektivy rossijskoj teorii prava i gosudarstva. Chast' 2 // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 9–18.
8. Mamardashvili M.K. Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti. SPb.: Azbuka, 2010. 288 s.
9. Novgorodcev P.I. Vvedenie v filosofiju prava: Krizis sovremennogo pravosoznaniya. M.: Nauka, 1996. 269 s.
10. Petrazhickij L.I. Teorija prava i gosudarstva v svjazi s teoriej npravstvennosti. SPb.: Lan', 2000. 608 s.
11. Stepin V.S., Gorohov V.G., Rozov M.A. Filosofija nauki i tehnik: ucheb. posobie. M.: Gardariki, 1999. 400 s.
12. Frank S.L. Duhovnye osnovy obshhestva. M.: Respublika, 1992. 510 s.
13. Chestnov I.L. Sociokul'turnaja antropologija prava kak postklassicheskaja nauchno-issledovatel'skaja programma // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 77–85.